

Божий человек

Оньку Махлютина в деревне побаивались, а встреч старательно избегали... — Одному Богу известно, что может взбрести в голову этому дурику, — при каждом удобном случае раздраженно говорил Валентин Арков, хотя сам иной раз такую хреновину сгородит, что хоть стой, хоть падай. — С него же как с гуся вода, — разводил руками, — а ты расхлебывай. Разве не так?!

Все молча соглашались, помнили, как Онька в клубе во время новогоднего вечера вдруг ни с того ни с сего облапил и поцеловал жену директора совхоза — великосветскую, как за глаза говорили о ней мужики, женщину. Та покраснела и — в дверь. Муж ее, наоборот, побелел, сжал кулаки и — к Оньке. А тот стоит себе хоть бы хны, улыбается да еще и причмокивает от удовольствия.

Хорошо помнил деревенский народ и тот день, когда он громко спросил у Василия Битнева, стоящего в очереди за мандаринами вместе со своей женой Катериной: «А ты чего вчера с продавщице Изабелке за пазуху лазил? А?..»

Непостижимое Онькино умение все замечать, слышать и появляться в самый неподходящий момент там, где его присутствие совсем не обязательно, да к тому же еще и рассказывать каждому встречному обо всем увиденном и услышанном — деревенских просто бесило. Мужики много раз грозились наkostenить ему по шее, но руки не подымались: во-первых, что с него возьмешь — больной человек, а во-вторых, сами были свидетелями, как он безо всякого усилия взял за грудки и посадил на сложенную рядом с магазином поленицу тучного Михаила Гусева только за то, что тот невзначай толкнул его и не со зла обозвал дураком.

Но побаивались и встреч с ним избегали только до прихода весны. Весной Онька был нарасхват. Огороды в деревне имела почти каждая семья, а перелопачивать две, а то и все четыре сотки земли занятие не из веселых, а договариваться насчет вспашки с

Мишкой-цыганом, единственным, кто имел лошадь, было довольно-таки накладно, деньги за вспашку тот драл безбожно. Онька же человек был не только работающий, но и к оплате равнодушный.

С просьбой к нему подходили по обыкновению днем, когда он, основательно выпавшись, появлялся на деревенской улице, чтобы начать свое «броуновское», как однажды выразился учитель по физике, движение по всем улицам и переулкам деревни.

— Оня! — ласково окликал его кто-нибудь из сильно страждущих занять дармовую силу. — Подсоби огородик вскопать.

Онька по обыкновению совал огромные ладони в карманы явно великоватого пиджака, задирает свою круглую, с отросшими до плеч волосами голову к небу и молчал.

Ну, так как, Онюшка? — страждущий просяще заглядывал в его глаза, наполненные не только синевой, но и еще чем-то необъяснимым, странным, неземным.

- Ага, — ронял Онька и улыбался, по-прежнему глядя в небо.

- Так пойдем, — нетерпеливо просил тот, беспокойно поглядывая по сторонам и моля всех святых о том, чтобы не подошел еще кто-нибудь, зная, что сманить Оньку проще простого — достаточно пригоршни конфет в блестящих обертках. — Я тебя чаем с вареньем угощу, пирогом с повидлой, конфетами.

Онька вытаскивал ладони и молча, широко размахивая руками, вертя головой, напрямик, по растаявшим лужам шел. Страждущий, довольнехонький, спешил следом... Прежде чем всучить Оньке будущее орудие производства, его усаживают за стол...

Ест Онька много, шумно чавкая и не обращая ни на кого внимания. Конфеты жует, как хлеб. Ему без разницы — шоколадные они или простые. У хозяев душа замирала при виде, как они исчезают со стола — не жалко, конечно, но убывают.

Наевшись, Онька хлопал себя ладонью по животу, перепоясанному широким офицерским ремнем, натягивал по са-

мые уши кепку с мятым козырьком, из которого торчал не один десяток разнокалиберных крючков, молча брал услужливо поданную лопату и...

Работал Онька, как машина — без слов и отдыха, но стоило кому-либо во время работы отвлечь его или вопросом, или простым «Здорово!», Онька без слов зашвыривал лопату в подвернувшую сторону сторону света, совал ладони в карманы пиджака и — прочь со двора. И никакие уговоры, никакие посулы уже не могли заставить его взяться за работу в этот день.

Об этом знали все, и если хозяин огорода был в хороших отношениях со всеми, кто проходил мимо его избы, то огород будет вскопан, а если нет...

Вскопав огород, Онька садился на ступеньку крыльца и терпеливо, хоть до позднего вечера, ждал, когда отблагодарят.

Главным в оплате для Оньки было «много», но слово это он понимал по-своему. К примеру, даст ему хозяин три рубля одной бумажкой — Онька отрицательно мотал головой. Тот усмехался и протягивал ему три рубля, но уже рублями, и Онька расплывался в счастливой улыбке.

Зажав в кулаке деньги, Онька, нигде не останавливаясь, бежал домой, к матери. Если ее не было дома, упрямо искал по всей деревне. Отыскав, молча протягивал ей скомканные бумажки.

— Молодец, Онюшка, — улыбаясь рано постаревшим лицом, говорила ему мать. — Спасибо, милый.

Все! С этого момента Онька был готов перелопатить все огороды.

«Работящий, симпатичный, сильный, — вздыхая, говорили о нем по весне вдовы. — Вот ума бы ему только».

...Дуриком Онька стал, когда учился в третьем классе, по вине отца, работавшего в совхозе агрономом. Напугал он заигравшегося Оньку громким, грубым окриком. Узнав, что сын стал неполноценным членом общества, ушел от семьи, объяснив всем,

что у человека с его положением сын быть дуриком не может, что это будет ронять тень на его репутацию...

Так Онька жил весной. Зимой и осенью он помогал матери, работавшей истопницей: принести дров, натаскать воды — это его работа. Правда, дров Онька не колот, потому что он может делать только ту работу, что не требует настырности. Как-то попросили его наколоть дров для печурки сторожа.

Пока чурки попадались податливые — все шло хорошо, а вот когда попадалась витая... Онька после нескольких бесполезных ударов побелел, сжал топор, зашарил глазами, и неизвестно, чем бы все это закончилось, не окажись рядом Макара Ливневого, единственного человека в деревне, которого Онька слушался с полуслова...

Макара Онька слушался больше матери. А все потому, что однажды тот, верно, чтобы самому не тащить тяжеленный рюкзак, взял с собой Оньку. А, может, и потому, что разговаривал он с Онькой без едва скрытого снисхождения, улыбочки, что вольно или невольно, но появлялась на лицах других.

Летом же Онька или пропадал вместе с Макаром на рыбалке, или в механических мастерских охотно помогал слесарям подтащить, оттащить, а то и просто поддержать какую-нибудь тяжелую штуковину.

Но больше всего времени Онька проводил со старухами, которые в нем просто души не чаяли и называли божьим человеком.

Ни слова не говоря, Онька подсаживался к какой-нибудь из них, греющейся на солнышке, и после обязательных вопросов о здоровье, о жизни покорно и даже с каким-то удовольствием выслушивал их длинные, как летний день, рассказы о-прожитой жизни, о болезнях...

В благодарность старухи поили его чаем с вареньем, давали пить какие-то травы, а по вечерам, оставаясь в одиночестве,

молились за него, желая здоровья, счастья и благополучия, как самому близкому человеку.

И не приведи Господь кому-либо обидеть Оньку, пускай даже невзначай: налетали, клевали словами...

Так Онька жил, хорошо ли, плохо ли, но только до того летнего дня, когда Макар в очередной раз взял его с собой на рыбалку. Пошли они не на ламбушку, где обычно рыбачили, а на озеро. Это было значительно дальше, но и улов обещал быть более весомым. Вышли утром, а до озера добрались где-то во втором часу дня. Мотор и канистру с бензином нес Онька.

Погода в тот день стояла солнечная, безветренная. Поставили мотор и — в знакомую Макару губу. Когда возвращались, невесть откуда боковой ветер. Потемнело... До берега, можно сказать, совсем ничего осталось, как лежащий на носу лодки якорь упал в воду, а лодка — на скорости...

Макар потом рассказывал: «Вынырнул я — лодки нет. По волнам мой брезентовый плащ качается. Невдалеке от плаща Онькина голова из воды торчит. Я ему — Онька! Давай к берегу! А он мне — вместе доберемся. Меня как обухом по голове. Голос у него... Ну не такой, как обычно... Умный что ли... Добрались мы до берега. Вылезли. Я смотрю на Оньку: взгляд у него прищуренный, удивленный, и разговаривать он со мной стал без своей улыбочки, серьезно...

Одним словом, стал Онька полноценным человеком. Странно, вроде бы доброе дело свершилось, а хорошо и не хорошо...

Странно, пока придурковатым был — жалели. Стал, как все - не стали жалеть... Почему? Словно нас, нормальных, жалеть не положено.